

УДК 630*6

ЛЕСНАЯ ЭКОНОМИКА В СИСТЕМЕ ЛЕСОУПРАВЛЕНИЯ В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ

© *Н.А. Моисеев, акад. РАН*

Московский государственный университет леса, ул. 1-я Институтская, 1, г. Мытищи, Московская обл., Россия, 141005; e-mail: moiseev@mgul.ac.ru

В статье описываются роль, место и содержание отраслевой экономической дисциплины «лесная экономика» в системе лесоправления, как в теории, так и на практике, с учетом применяемой в стране модели экономики и динамики взглядов на экономическую теорию в системе управления жизнеобеспечением людей и общества в целом. При этом особое внимание уделяется необходимости учета в лесной экономике главных отраслевых особенностей лесного хозяйства, связанных с долгосрочным периодом лесовыращивания, многоцелевым значением лесов как объекта управления и требованием организации и планирования системы мероприятий по использованию и воспроизводству лесов на зонально-типологической основе с учетом их целевого назначения. Все эти вопросы рассматриваются в историческом аспекте на основе трудов предшественников и имевших место дискуссий между сторонниками земельной и лесной ренты. Дается трактовка экономической природы затрат в лесном хозяйстве, платежей за ресурсы леса, их целесообразного распределения по финансовым потокам для создания баланса экономических интересов основных субъектов лесных отношений.

Ключевые слова: лесная экономика как научная дисциплина, лес как объект управления, лесное хозяйство как отрасль материального производства, непрерывное неистощительное пользование лесом, отраслевые особенности лесной экономики, платежи за ресурсы леса, требование устойчивого управления лесами.

Прошло 30 лет так называемой перестройки, связанной казалось бы с переходом от централизованно планируемой системы управления к рыночной. Однако в области экономики ожидаемые результаты так и не состоялись. Перед одной из ежегодных встреч руководителей России и Финляндии по проблемам сотрудничества в области лесного сектора финская сторона в своем интервью заявила, что российская система управления представляет «слоеный пирог», в котором сохраняются остатки доперестроечной системы и «дикая экономическая свобода». Можно по-разному относиться к этой оценке, но, к сожалению, в области использования лесов и ведения хозяйства в них до сих пор отсутствуют цивилизованные формы рыночной экономики. Кроме того, эта область деятельности относится к числу наиболее коррумпированных.

Сама же отрасль лесного хозяйства влачит жалкое существование и не обеспечивает даже простого воспроизводства используемых ресурсов, что приводит к их истощению, падению рентабельности и даже банкротству лесопильно-деревообрабатывающих предприятий. Эта отрасль не мотивирована и на повышение доходности лесов, как главного источника ее интенсификации.

При этом обострилась и вся окружающая страну обстановка. Образ «размытого (по Горбачеву) врага» теперь стоит у границ России, угрожая ей за неповиновение следовать в русле однополярного мира, организуемого главным устроителем хаоса в международной обстановке. Украинские события окончательно сняли маску с нынешних главных игроков на мировой арене, жаждущих раздела России и захвата ее природных богатств. «Западные санкции» являются лишь одним из средств принудить Россию отказаться от ее национальных интересов. В этой ситуации историческое противостояние Запада и России будет лишь усиливаться.

При сложившейся в России псевдорыночной неолиберальной экономике, следующей в русле рыночного фундаментализма, требуется ее неотложная трансформация с учетом угроз, вставших перед страной.

Возвращаясь к экономике, как к общественной науке, следует отметить, что она тем и отличается от таких естественных наук, как, например, математика и физика, что в ней нет раз и навсегда установленных незыблемых законов и постулатов. Она относится к эмпирическим наукам, обобщающим развитие хозяйственной жизни, постоянно изменяющейся в динамике развития человечества в рамках его неустойчивых взаимоотношений и внутри себя, и с окружающей его природой, ограниченными ресурсами которой оно пользуется, изменяя при этом и условия существования для самого себя. Конечно, при таком характере экономической теории могут быть выявлены и определяются соответствующие закономерности развития человеческой деятельности, применительно к которым вырабатывается экономический инструментарий (методы и приемы) для экономической оценки принимаемых решений и выбора наиболее эффективной ее организации на разных уровнях управления.

Для начала следует отметить, что экономика является лишь одной из составляющих сложной системы управления в широком понимании – управления жизнеобеспечением людей и человечества в целом на разных исторических этапах его развития [12]. При этом надо иметь в виду, что и управление как наука еще не сформировалось и носит пока эклектический характер, несмотря на наличие объемных учебников по менеджменту. Поэтому политологи подчеркивают, что наступивший системный кризис вызван не только финансовыми и экономическими проблемами, но и, прежде всего, проблемами управления как в отдельных странах, так и на мировом уровне. Авторы одного из докладов Римского клуба приходят к следующему выводу: «...объяснение того, что многие мировые проблемы заведены в тупик, заключается в плохом управлении» [3].

Само по себе управление охватывает широкий круг органически взаимосвязанных мероприятий, предпринимаемых для достижения поставленных целей, в том числе политических, социальных, экономических, экологических и культурных, с учетом многих факторов – менталитета народов, их культуры, истории развития, традиций, накопленного опыта, уровня социально-экономического развития, институциональной структуры общества, прав собственности на природные ресурсы, внутренней и внешней обстановки. В каждой стране исторически складывается своя комбинация перечисленных факторов и целей развития, а также адекватная ей система управления, которую неразумно спонтанно менять, копируя сложившиеся в других странах образцы. В качестве примера уместно привести две рядом расположенные страны, выделяющиеся в мировом лесном секторе, – США и Канаду. Они тесно сотрудничают друг с другом, но их системы управления лесами не имеют ничего общего, различаясь и формой собственности на них, и взглядами народов этих стран на данный предмет.

Экономика как одна из составляющих системы управления не может игнорировать характер последней, причем не только с учетом особенностей страны, но и той цивилизации, к которой она относится. Последнее до недавнего времени экономистами вообще игнорировалось.

Экономическая теория имеет долгую историю и немало направлений развития, включая неоллиберализм (пусть идет, как идет), институционализм, кейнсианство и др. Но тем не менее, она в основном закичивалась на эволюции частнокапиталистической рыночной экономики. Централизованно же планируемая система хозяйства, характерная для бывшего СССР и сохраняющаяся в определенных формах в Китае и некоторых других странах, рассматривалась как незаконно рожденное дитя. Но в мире нет ничего случайного и ничто бесследно не исчезает. Даже применительно к рыночной экономике, зародившийся, например, более 100 лет назад, институционализм снова привлекает к себе внимание, особенно в России.

Но и взгляды на рыночную экономику претерпели существенные изменения, главным образом в связи с монополизацией рынков, тем более на современном этапе, когда транснациональные корпорации стали все ощутимее влиять на характер функционирования глобальной экономики, вынуждая принимать межгосударственные меры по ее регулированию.

Однако наступивший мировой кризис заставил и политиков, и экономистов по-новому взглянуть на экономические взаимоотношения как внутри стран, так и между ними и начать выработать новую парадигму взглядов на экономическую науку. Хотя и раньше было замечено, что далеко не одна только частнокапиталистическая рыночная экономика определяет вектор развития экономической теории. Еще Питирим Сорокин, всемирно известный социолог, глубоко изучивший характер развития США, как лидера капиталистического мира, отмечал, что «только лицемеры могут называть экономику Соединенных Штатов экономикой свободного предпринимательства...

В настоящее время отход от капитализма зашел уже настолько далеко, что во всех евро-американских странах, включая США, подлинная "полнокровная капиталистическая" или "свободно-предпринимательская" (free-enterprise) система экономики превратилась лишь в один из секторов экономики этих стран, причем не всегда главный... Ее все более вытесняют "экономика корпораций" и "экономика, регулируемая правительством", – и та, и другая существенно отличаются от капиталистической системы» [11].

Общей же закономерностью развития является конвергенция, т. е. сближение противоположных экономических систем и выработка интегральной (смешанной) экономической системы, где рыночный механизм целенаправленно регулируется системой государственных мер, включая выработку экономического курса, планирование, законодательные меры и др. Признается, что большинство развитых и развивающихся стран функционирует в рамках смешанной экономической системы с большим набором различий, касающихся как отдельных стран, так и цивилизаций. Ограниченные рамки статьи не позволяют проанализировать эту развивающуюся систему. Отметим лишь одну ее особенность. Если в идеальной свободной рыночной экономике взаимодействуют два субъекта (продавец и покупатель), то в смешанной экономической системе добавляется третий субъект – государство, активно устанавливающий правила игры первых двух и осуществляющий регулирование их деятельности и контроль за нею.

Но и в этой системе субъекту, осуществляющему бизнес, присущи те же недостатки, которые связаны с частной деятельностью и предполагающие погоню за прибылью (нередко любой ценой). Частные и общественные интересы никогда не были в гармонии независимо от форм и масштаба бизнеса (мелкого, среднего или крупного). В данном случае надо обратить внимание на следующее обстоятельство: до недавнего времени в экономической теории главенствовало мнение о том, что экономика не касается морали и нравственности. Но наступивший мировой кризис, который может превзойти масштабы Великой депрессии 1930-х гг., заставляет основательно пересмотреть взгляды не только на экономику, но и на весь предшествующий этап хозяйствования человека на планете. Суммарно накопившиеся недостатки его хозяйственных воздействий на природу уже угрожают существованию всего человечества, причем не в отдаленной перспективе, а в ближайшие десятилетия, если не образумится человечество, которое охватила болезнь «всеобщего помешательства» [3]. По признанию не только духовных лиц [5], но и многих политологов, в основе кризиса лежит утрата в человеческой деятельности нравственного начала, морали. Бывший мэр Москвы Ю.М. Лужков в своей обличительной статье по поводу нынешнего кризиса в качестве эпиграфа использует как никогда актуальные слова известного лидера индийского народа Махатмы Ганди: «Нас погубит политика без принципов, богатство без труда, ... бизнес без морали» [4].

Российские экономисты от первого Ломоносова в экономике – И.Т. Посошкова, до современных общепризнанных, включая бывшего главного

редактора журнала «Вопросы экономики» акад. Л.И. Абалкина, считают, что в развитии экономики наряду с вещественными факторами производства (труд, капитал, природные ресурсы) важную роль играют и невещественные (честность, доверие и справедливость), которых, к сожалению, не хватает в нынешней системе экономических отношений.

В связи с углубляющимся экологическим кризисом экономистов все настойчивее призывают не ограничиваться односторонней экономической оценкой принимаемых решений, а руководствоваться эколого-экономическим подходом [13]. Не меньше критикуют и тех экономистов, а также идущих у них на поводу политиков, которые в орбиту рыночных отношений все шире вовлекают ресурсы и услуги нерыночного характера под видом их якобы желательной коммерциализации. Это приводит к загрязнению социальной и духовной сфер и наносит непоправимый вред, опустошая души людей. Поэтому духовная элита народов всех наций призывает в человеческой деятельности руководствоваться тремя «Э»: этикой, экологией, экономикой. Эти требования в указанной последовательности и должны быть в основе организации устойчивого развития человеческой деятельности, особенно в управлении лесами и пользования ими.

Надо сказать, что лесной экономике не повезло в истории развития, хотя она на 9 лет старше экономической теории, лежащей в основе всех отраслевых экономических наук. Ее формированию помешал излишне потребительский взгляд на пользование лесными ресурсами, который хорошо выражается в известном афоризме: «Нам не надо ждать милостей от природы, взять их – наша задача». И брали без всякой меры и расчета. До середины XX в. общей тенденцией эксплуатации лесов в промышленно развитых странах были опустошительные рубки девственных лесов самых ценных пород с высокосортной древесиной без должной заботы об их воспроизводстве. Лишь доведя свои леса «до ручки», ряд стран, в том числе США и скандинавские, спохватились и начали принимать меры по упорядочению лесопользования и интенсификации лесного хозяйства. Россия не была исключением такого порядка лесозаготовки с тем только отличием, что надлежащий порядок в ее лесах отсутствует до сих пор.

Правильному взгляду на лес как на объект управления и на отраслевые особенности лесной экономики мешает недостаток понимания исключительной сложности и особой многосторонней важности этого объекта для жизнеобеспечения всего человечества. Данный объект управления в числе других имеет две ярко выраженные особенности. Во-первых, он должен и может воспроизводить непрерывно расширяющийся ассортимент рыночных и нерыночных ресурсов и услуг, необходимых для всех сфер жизнеобеспечения человечества, включая экономические, социальные, экологические, духовные, несоизмеримые одним только денежным эквивалентом, на котором зиждется рыночная экономика и ее система ценообразования. Во-вторых, для создания такого объекта управления требуются не годы, а десятилетия, для наиболее же

ценных лесов – даже столетия, что в инвестиционном отношении ставит лесное хозяйство, т. е. всю отрасль, связанную с лесовыращиванием, в неконкурентное положение. Для сохранения лесов и интенсификации хозяйства в них, особенно при переходе на многоцелевое лесное хозяйство, данное обстоятельство является ахиллесовой пятой лесной экономики.

В истории лесозаготовки лесной бизнес никогда не радел о сохранении лесов, их биоразнообразии и тем более не руководствовался обременяющими его требованиями воспроизводства нерыночных ресурсов и услуг, потребности в которых растут опережающими темпами по сравнению с рыночными. Лесозаготовка сводилась к первоочередному изъятию самых ценных для рынка ресурсов леса без заботы об их воспроизводстве, что вело к их истощению и разрушению сложных лесных экосистем, потере биоразнообразия и отводу под другие виды землепользования. Многочисленные примеры подобного отношения к лесам юридических и физических лиц, занятых лесным бизнесом, общеизвестны. Его предельно четко выразил основатель кибернетики Норберт Винер: «В мире, связанном стремлением к выгоде, мы вынуждены эксплуатировать рощи секвойи, как шахты, не оставляя будущему ничего, кроме опустошенной земли» [1]. Заметим, что секвойя – одно из самых крупных деревьев в мире (высота – до 120 м, диаметр – до 10 м), живущее до 4...5 тыс. лет, – была нещадно вырублена на западном побережье США и в естественном виде сохранилась лишь в отдельных национальных парках. Ветеран Верховного суда США Уильям О. Дуглас писал, что большой бизнес нанес непоправимый урон природе США, в особенности лесам этой страны [2]. Мишель Монтень утверждал, что «нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других» [7].

Подобное отношение человека к природе и лесу как к ее экологическому каркасу наши далекие предшественники постарались учесть при формировании лесозаготовки – науки, которая в XVIII–XIX вв. во многих европейских странах и в России заменяла лесную экономику. Основатели этой науки считали, что при организации использования лесов и хозяйства в них надо создавать такой порядок, который бы обеспечил не сиюминутный эффект, а постоянный наивысший доход при сохранении самих лесов и даже улучшении их. Далее перечислим те отраслевые особенности, которые должны учитываться для организации такого порядка не только при лесозаготовке как важнейшем инструменте лесозаготовки, но и при формировании лесной экономики, ибо без их учета она не способна использовать экономический инструментарий, выработанный экономической теорией, применительно к специфике лесного хозяйства как отрасли, связанной с использованием и воспроизводством всего комплекса ресурсов и услуг леса, как рыночных, так и рыночных (общественных благ).

Главной отраслевой особенностью, накладывающей отпечаток на всю лесную экономику и на лесозаготовку в целом, является беспрецедентно (по сравнению с другими отраслями) длительный (измеряемый десятилетиями)

процесс воспроизводства леса как объекта управления и основного средства производства в лесном хозяйстве. С учетом этой особенности основатели лесоустройства (Генрих Котта и Георг Людвиг Гартиг) выдвинули непреложное требование – соразмерять во времени размер пользования ресурсами леса с масштабами и темпами их воспроизводства, которое возведено в принцип постоянства пользования лесом и ныне называется требованием непрерывного неистощительного пользования лесом (НИПЛ). Оно должно быть стержневой идеей и для формирования лесной экономики, что, к сожалению, пока должным образом не учитывается.

Второй (соподчиненной первой) особенностью леса как объекта управления является его многоцелевой характер, т. е. многообразие ресурсов и услуг, воспроизводимых этим объектом как средством производства. Все ресурсы и услуги леса как цели хозяйства органически взаимосвязаны и не могут рассматриваться отдельно друг от друга. Пользование каждым из них должно осуществляться с учетом других ресурсов и услуг леса в общей системе целей, поставленных перед лесным хозяйством, с учетом их соподчиненности, но без противопоставления друг другу для каждой категории лесов. Такая трактовка этой особенности выдвигает соответствующие требования к организации производства в лесном хозяйстве и управлению лесами. Отметим, что при таком понимании этой особенности недопустимо передавать в пользование разным арендаторам на одной и той же территории разные ресурсы и услуги леса и вряд ли допустимо передавать в аренду ресурсы и услуги леса нерыночного характера, т. е. общественные блага, которые не должны служить только частным интересам.

Третьей особенностью является органическое сочетание природных процессов роста и развития леса с направляющими процессами приложения труда и капитала в виде системы хозяйственных воздействий с учетом их целей, экономических и зонально-типологических условий, в которых произрастают леса как объект управления. Эта особенность тоже выдвигает ряд требований к организации производства и управления, без которых немислим системный экономический подход к оценке принимаемых решений. Суть требований сводится прежде всего к тому, что при экономической оценке хозяйственных воздействий на управляемый объект следует учитывать не отдельные мероприятия, а их систему, включая способы рубок, возобновления, ухода, защиты, охраны, в том числе организационные и инфраструктурные (например, дорожную сеть). Системы мероприятий в лесном хозяйстве являются фундаментальной основой, как и в отраслях агропромышленного комплекса, связанных с земледелием и растениеводством.

Но системы мероприятий в лесном хозяйстве связаны с конкретными условиями произрастания леса и потому могут быть только региональными. Проф. Г.Ф. Морозов по этому поводу писал, что зональное и типологическое начало должно быть руководящим при планировании и организации лесного хозяйства, но при этом нельзя допускать всеобщих рецептов для всей России.

Немецкие лесоводы подобное требование называли «железным законом места». Между тем, десятилетиями существующая сметно-бюджетная операционная система планирования отдельных мероприятий в лесном хозяйстве, отражаемая в бывшей форме 10-ЛХ, противоречит вышеназванному должному системно-дифференцированному подходу к управлению лесами.

Рассматриваемому объекту управления присущ ряд и других особенностей. По образному выражению писателя Л. Леонова, «лес – это открытая кладовая», на которой не навешан замок [6]. Поэтому она открыта для любых нарушений, если в общей системе лесопользования не предусмотрены надежные меры по охране лесов от различных нежелательных воздействий, в том числе от умышленных нарушений. Беспрецедентный масштаб так называемых нелегальных рубок явился следствием отмены разрешительного порядка и ликвидации лесной службы с постоянной лесной охраной, надобность в которых была подтверждена двухвековым опытом отечественного лесопользования.

Можно было бы остановиться и на такой особенности, как сезонность многих мероприятий в лесном хозяйстве, что также выдвигает определенные требования к организации и планированию лесного хозяйства и отражается на его экономике.

Все перечисленные особенности должны учитываться при организации устойчивого пользования и управления лесами. Но они должны быть и макроструктурной основой содержания лесной экономики и, конечно, применяться при организации и планировании лесного хозяйства и смежных (связанных) с ним отраслей и производств, базирующихся на использовании ресурсов и услуг леса.

В действительности эти отраслевые особенности, как правило, лишь декларируются, но органически не вплетаются в общую системную связь лесопользования и содержания лесной экономики в качестве его составляющей. При этом и многие учебные пособия по лесной экономике в своей содержательной части преимущественно представляют лишь механическое приложение экономической теории к отдельным фрагментам перечисленных особенностей, что лишает ее конкретности и действенности.

Длительный период воспроизводства леса должен изначально отражаться на содержании его экономики и на соответствующих моделях, раскрывающих природу затрат в этой отрасли. Однако со времени предложенной в 1849 г. М. Фаустманом формулы земельной ренты в лесном хозяйстве и основанном в 1856 г. на ней учении о финансовой спелости М.Р Пресслера лесные экономисты по взглядам на процесс воспроизводства в лесном хозяйстве разделились на два непримиримых лагеря: сторонников земельной ренты и сторонников лесной ренты [8, 14]. Первые строят свои взгляды на основе модели периодического пользования лесом для каждого отдельного его участка с позиции «голой» земли, вторые строят модели воспроизводства в лесном хозяйстве на основе той совокупности лесных участков, в рамках которых возможна организация ННПЛ.

Социальной базой точки зрения первых явились мелкие частновладельческие леса (площадью до 50...100 га), которые преобладали на ранних этапах

развития капитализма и не были объединены в ассоциации, возникшие позже, во второй половине XX в. В рамках таких владений экономически эффективная организация ННПЛ была недоступна и потому мелкие лесовладельцы ограничивались формой периодического пользования лесом. Для такой вынужденной формы лесопользования строилась и соответствующая ей модель воспроизводства, в которой все затраты на лесное хозяйство считались инвестициями, а для оценки их эффективности определялся чистый дисконтированный доход на разных возрастных этапах древостоя с возрастом рубки в момент достижения его максимального значения. На таком подходе, как на краеугольном камне, и сформированы в основном англоязычные учебники по лесной экономике. В трудах проф. М.М. Орлова и проф. Г. Шпайделя отмечены уязвимые стороны такого подхода, включая необоснованность используемой процентной ставки, заниженные возрасты рубки и, как следствие, сведение лесов к древостоям с преобладанием мелкотоварной древесины, с упрощенными структурами насаждений и обеднение биоразнообразия, что в целом противоречит организации устойчивого управления лесами.

В Германии, где и зародился такой подход, нанесший непоправимый урон лесам этой страны, борьбу с ним возглавил выдающийся лесной экономист проф. Г. Шпайдель, который в своих трудах доказывал необходимость другого подхода – на основе организации ННПЛ и определения возраста спелости леса на основе не земельной, а лесной ренты [14]. В государственных лесах и в крупных частных лесных владениях преимущественно использовался именно этот второй подход.

В моделях воспроизводства леса на основе организации ННПЛ затраты на лесное хозяйство делятся на две категории: текущие, ежегодно окупаемые при реализации лесоматериалов и других видов лесной продукции, и единовременные вложения – инвестиции, используемые для повышения продуктивности лесов (интенсивный путь развития хозяйства) и разведения леса на площадях, где он ранее не произрастал (экстенсивный путь), а также при освоении резервных лесов, требующих создания соответствующей инфраструктуры. М.М. Орлов и другие сторонники лесной ренты особо подчеркивали недопустимость смешения текущих и капитальных затрат при планировании, отчетности и оценке эффективности их в практике лесного хозяйства.

При таком подходе обычно обращалось внимание на ограниченность использования схемы нормального леса, как критерия для ориентации лесного хозяйства, не всегда реализуемого в ближайшей перспективе. Автором статьи разработана теория воспроизводства леса, в которой исключены недостатки подхода на основе схемы нормального леса (Н.А. Моисеев, 1980) [6]. На основе этой теории предложены модели простого и расширенного воспроизводства (интенсивным и экстенсивным путем), логично встроенные в общие программы использования и воспроизводства лесных ресурсов с оценкой их эффективности. При этом раскрыта и экономическая природа затрат в лесном хозяйстве: модели простого воспроизводства функционируют на основе ежегодно

используемых и окупаемых текущих затрат, модели расширенного воспроизводства – на основе дополнительных капитальных вложений (инвестиций), при оценке эффективности которых следует учитывать фактор времени с помощью процентной ставки.

Принципиальным отличием упомянутых точек зрения на схему воспроизводства является следующее весьма немаловажное положение: исходным объектом управления в лесном хозяйстве сторонники земельной ренты считают голую землю отдельного участка, сторонники же лесной ренты – леса в органическом единстве всех образующих их компонентов, включая землю, в том понимании, которое в отечественной науке (В.Н. Сукачев) представлялось в виде лесных биогеоценозов, в зарубежной литературе названных лесными экосистемами. И когда ныне говорят об экосистемном управлении лесами, то, очевидно, имеют в виду управление не только одной голой землей.

При этом чистый доход в лесном хозяйстве главным образом зависит не от земельной, а от лесной ренты как показателя умения управлять лесами, формировать их структуры, используя целенаправленные хозяйственные воздействия. И стоимость лесов вместе с занятой ими землей определяется путем капитализации отнюдь не фиктивной величины земельной ренты, а именно величины лесной ренты, в составе которой земельная занимает от 1/5 до 1/10 ее величины, а в низкобонитетных лесах становится нулевой или отрицательной.

Что касается возраста спелости леса как основания для назначения возраста рубки, то в каждый отдельный период он определяется структурой спроса, а не будущим непредсказуемым его характером, ожидаемым к концу оборота рубки. Сам же прием дисконтирования не имеет отношения к определению возраста спелости и предназначен лишь для оценки эффективности инвестиций при сравниваемых сценариях в моделях расширенного воспроизводства лесных ресурсов.

Лесное хозяйство – единственная отрасль, на практике до сих пор не имеющая четких понятий о своей продукции, ее себестоимости, цене и рентабельности. Те же недостатки характерны и для учебных пособий по лесной экономике. При таком положении вещей можно ли рассчитывать на эффективную организацию производства и на должный контроль за деятельностью в этой области? Действующие официальные наставления, правила, инструкции по планированию и отчетности не дают ясного представления о целесообразности затрат на лесное хозяйство, их потребном количестве (при финансировании по остаточному принципу) и эффективности использования. О доходности вообще не идет речи. В нашей стране размер платежей определяется в основном административным путем, по наитию чиновников, полагающих, что существующие мизерные платежи за лесные ресурсы надо бы увеличить или индексировать с учетом инфляции, но аргументировано не обосновывающих на сколько и зачем.

Ошибочно полагать, что для устранения названных недостатков отсутствует опыт. Нет недостатка и в рекомендациях ученых разных поколений.

Главная беда – отсутствие преемственности имевшихся в разное время и опыта, и научных разработок.

Разнонаправленные реформы после каждой революции (в России только в XX в. их было две) наложили свой отпечаток: перестройка каждый раз начинается с отрицания трудов предшественников. Ярким примером подобного является организованная в 1930-х гг. травля классиков отечественного лесного хозяйства – Г.Ф. Морозова, создателя учения о лесе, и М.М. Орлова, сформировавшего учение о лесном хозяйстве. Не исключение и перестроечный период последних двух десятилетий. Руками некомпетентных составителей последнего Лесного кодекса РФ, подмененного земельным законодательством, была ликвидирована служба лесоустройства, разрушен федеральный орган управления лесами вместе с лесной охраной и расчищена дорога беспрецедентным по масштабу нелегальным рубкам и прочим лесонарушениям.

Не пора ли начать собирать разбросанные в беспорядке камни и упорядочить ведение лесного хозяйства в стране? Здесь уместно вспомнить высказывание А. Эйнштейна, что «вся наука есть не что иное, как упорядочение мышления», которое позволяет выстроить суммарно накопившиеся знания и опыт в систему при условии их преемственной связи, историческая нить которой в результате социальных потрясений неоднократно обрывалась.

Прежде всего определимся, с какой экономической системой должна быть связана лесная экономика. Учитывая, что ряд ресурсов и услуг леса носит нерыночный характер и предоставляет общественные блага, значимость и потребность в которых возрастают опережающими темпами по сравнению с рыночными ресурсами, ответственность за их воспроизводство может обеспечить только государство независимо от того, кто будет выполнять этот заказ. Такая установка на многоцелевое лесное хозяйство означает, что лесная экономика при нынешней ситуации (ситуации разброда и шатания) должна быть ближе всего к смешанной экономической системе, в которой рыночный механизм должен целенаправленно регулироваться системой государственных мер с учетом общественных интересов.

Какой же характер, название и содержание должна при этом иметь лесная экономика как наука? Многоцелевое назначение ресурсов и услуг леса предполагает связь со всеми сферами жизнеобеспечения человечества и по горизонтали (межсекторальная), и по вертикали (многоуровневая – от местного до глобального рынка). При такой структуре лесопотребления система лесопользования и ее экономическая составляющая не могут замыкаться только на уровне микроэкономики. Она должна быть связана и с другими уровнями – с макро- и мезоэкономикой (имеются в виду и отдельные блоки мирового рынка, и крупные региональные рынки внутри страны). При этом правомерно признание лесов глобальным фактором, регулирующим и стабилизирующим многие природные явления биосферы, а в рамках природопользования – и социально-экономические процессы.

При таких экономических связях лесную экономику нельзя замыкать в традиционных рамках микроэкономики, учитывая постоянно расширяющиеся связи и экономические отношения с различного рода лесопользователями. Поскольку эффект от пользования лесами оседает во многих отраслях и секторах народного хозяйства, это обязывает учитывать народнохозяйственный эффект, а в организационном отношении – налаживать межотраслевые хозяйственные отношения в целях привлечения средств отраслей-потребителей для организации расширенного воспроизводства лесных ресурсов и услуг, благодаря чему роль лесного хозяйства и его финансовая подпитка будут только возрастать.

Итак, экономику лесного хозяйства как отраслевую науку целесообразно расширить и представить ее экономикой непрерывного, неистощительного, многоцелевого использования и воспроизводства лесов, их охраны и управления ими с учетом растущего спроса на лесные ресурсы и услуги на внутренних и внешних рынках для повышения благосостояния народов России. При таком понимании эту дисциплину можно называть лесной экономикой. Данного названия придерживались и наши предшественники, например М.М. Орлов и В.И. Переход [8, 9]. Но нельзя утрачивать фундаментальную основу экономики лесного хозяйства с названными выше отраслевыми особенностями, которые должны ею учитываться. Когда говорят о сравнительной значимости лесных отраслей в объединяющем их лесном секторе, отдавая первенство то лесозаготовкам, то глубокой переработке, особенно целлюлозно-бумажной промышленности, ключевой на данном этапе, не следует забывать, что все они зависят прежде всего от качества и количества используемых ресурсов, за воспроизводство которых ответственна такая отрасль, как лесное хозяйство. Это тот колодезь, в который нельзя плевать, от него зависят жизнь и благосостояние утоляющих жажду.

Вернемся к тому, что представляет собой лесное хозяйство как отрасль, в чем заключается его продукция, каковы ее себестоимость и цена, а также рентабельность продукции и всей отрасли. Внятных ответов в современных учебных пособиях не найти. Чтобы ответить на эти вопросы, надо хотя бы в первую очередь просмотреть труды М.М. Орлова, А.Ф. Рудзкого, Ф.К. Арнольда, В.И. Перехода, Д. Товстолеса, а также других не только отечественных, но и зарубежных ученых и лесных экономистов [13, 14]. Следует напомнить, что перечисленные ученые не отделяли лесное хозяйство от лесопользования. Первое, логично включая второе, аргументированно утверждало, что нет лесного хозяйства без лесопользования. Лесное хозяйство мыслится только при условии организации постоянства лесопользования, или в нынешней терминологии – ННПЛ, т. е. теми ресурсами и услугами, на которые предъявляется спрос. Без постоянства пользования, или ННПЛ, как подчеркивали и М.М. Орлов, и его учитель А.Ф. Рудзкий, будет не лесное хозяйство, а лесосводка.

Таким образом, если принять во внимание труды корифеев, научную значимость которых при нынешнем состоянии лесной экономики мы не перешаг-

нули (конечно, найдутся оскорбленные лица, полагающие, что они впереди планеты всей), то выделять из лесного хозяйства лесозаготовки в какую-то самостоятельную отрасль нелогично, несмотря на то, что она у нас давно фигурирует как вроде бы самостоятельная и самодостаточная.

Но вернемся к уточнению понятий, прежде всего связанных с лесом и его ресурсами. Трактовка их при всей кажущейся очевидности далеко не однозначна и определяется главным образом взглядами того или иного автора на схему воспроизводства в лесном хозяйстве. Сторонники земельной ренты, рассматривающие в качестве объекта управления отдельно взятый участок голой земли с позиций периодического пользования, представляют создаваемый на нем древостой одновременно в двух ипостасях – как средство производства и как продукт труда.

Сторонники лесной ренты, рассматривающие в качестве объекта управления лесной массив, в рамках которого возможна организация ННПЛ, представляют его как основное средство производства в лесном хозяйстве, называемое «лесной капитал». Заметим, что в ст. 6 Лесного кодекса 1997 г. лесной фонд и участки лесного фонда как объекты лесных отношений признавались основным средством производства в лесном хозяйстве [10, с. 15]. Соответственно согласно назначению леса как основное средство производства по Гражданскому кодексу РФ (ст. 130) относились к недвижимому имуществу, поскольку они прочно связаны с землей, т. е. к объектам, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно [10, с. 68]. Составители Лесного кодекса 2006 г. приложили все усилия к тому, чтобы разорвать эту прочную связь леса с землей и представить его уже как движимое имущество, настояв и на внесении последующей поправки в Гражданский кодекс об исключении лесов из категории объектов недвижимого имущества. Чем бы ни руководствовались при этом составители последнего Лесного кодекса, предпринятый ими шаг можно рассматривать как диверсию, облегчающую последующий оборот лесных земель (в том числе перевод в частную собственность), руководствуясь уже не Лесным, а Земельным кодексом. Надо полагать, что история на этом не заканчивается, а Лесной кодекс 2006 г. не является последним, на смену ему придет другой. И если найдутся достойные политические силы, они исправят допущенный махинаторский выверт.

Что касается лесных ресурсов и услуг, то сторонниками лесной ренты они представляются продуктами труда в лесном хозяйстве без отождествления с воспроизводящим их лесом как основным средством производства. Вопрос, был ли затрачен труд на их воспроизводство или они являются бесплатными дарами природы, снимается требованием ННПЛ. Его выполнение возможно только через гарантию воспроизводства используемых ресурсов и финансирования необходимых для этого затрат, которые должны быть учтены в составе платежей за ресурсы леса.

О характере последних неоднократно писалось. В цивилизованных условиях рыночной экономики они, конечно, должны определяться не адми-

нистративным путем, как это до сих пор делалось, а с учетом спроса и предложения на тех рынках, в зоне которых находятся леса. Стартовые же цены для аукционов должны устанавливаться на основе рентного подхода с учетом известных и неоднократно описанных в литературе рентиобразующих факторов. Напомним, что лесная рента, или чистый дифференциальный доход (ЧД), представляет собой остаточную стоимость как разность между рыночной ценой лесоматериалов, реализуемых на рынке ($C_{\text{рын}}$), и суммой затрат (ΣC) по всей технологической цепочке, включая затраты на воспроизводство используемого ресурса ($C_{\text{в}}$), заготовку ($C_{\text{з}}$) и транспортировку ($C_{\text{т}}$) вместе с нормативной прибылью на эти затраты ($\Pi_{\text{н}}$):

$$\text{ЧД} = C_{\text{рын}} - (\Sigma C + \Pi_{\text{н}}). \quad (1)$$

В этом виде лесная рента играет многофункциональную роль: определяет экономическую доступность лесных ресурсов, чистый доход собственника лесов (в России – государства), рентабельность продукции, индекс эффективности инвестиций, используемых для улучшения состояния лесов и их доступности.

Что касается платежей за ресурсы леса ($C_{\text{рес}}$), то они должны состоять из двух частей – лесной ренты, или чистого дохода, и затрат на воспроизводство используемого ресурса ($C_{\text{в}}$):

$$C_{\text{рес}} = \text{ЧД} + C_{\text{в}}. \quad (2)$$

Для владельца лесов и лесопользователей далеко не безразлично распределение этих платежей согласно их структуре по финансовым потокам. Чистый доход (рента) должен направляться в консолидированный бюджет, распределяясь по законодательному соглашению на заранее оговоренные цели в программах федерального, регионального (субъекты РФ) и местного (муниципальные образования) уровней.

Затраты на воспроизводство используемых ресурсов должны оставаться на счетах либо арендатора, по договору обязанного вести лесное хозяйство, либо местного государственного органа управления (лесничества) для финансирования лесного хозяйства на неарендованной лесной площади. Именно эти затраты должны предусматривать простое воспроизводство используемых ресурсов в рамках себестоимости их воспроизводства. При этом затраты на региональные системы лесохозяйственных мероприятий, обоснованные при лесоустройстве на зонально-типологической основе с учетом целевого назначения лесов, и представляют собой себестоимость воспроизводства используемых ресурсов как составную часть лесных платежей, которая отражается в себестоимости производства лесоматериалов у лесопользователя (арендатора).

Нынешний порядок финансирования текущих затрат на лесное хозяйство через субвенции продолжает ту же порочную практику использования сметно-бюджетной операционной системы финансирования из федерального бюджета, необоснованно претендующего на предвосхищение характера и размера затрат на отдельные лесохозяйственные мероприятия и их операции, которые зависят от многочисленных непредсказуемых факторов и условий хозяйствования на местном уровне (погодные и меняющиеся в связи с кризисом экономические условия).

Что касается субвенций, то они должны относиться не к текущим, а к капитальным вложениям, финансируемым из бюджетов разных уровней за счет аккумуляции лесного дохода по соответствующим сметам, как это характерно для капитального строительства. Например, сейчас достигнуто понимание в необходимости строительства магистральных лесных дорог за счет государственных средств из бюджетов РФ и субъектов РФ в определенной пропорции.

В этой статье рассмотрены лишь отдельные прикладные стороны лесной экономики как экономической составляющей организации устойчивого пользования и управления лесами. Но сами по себе предлагаемые экономические меры не могут быть реализованы на практике, если они не будут закреплены законодательно в соответствующих нормативно-правовых актах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винер Н. Я* – математик. М., 1964. 256 с.
2. *Дуглас Уильям О.* Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. США, Michigan, 1972. 215 с.
3. *Кинг А., Шнайдер Б.* Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. Нью-Йорк, 1991. 340 с.
4. *Лужков Ю.М.* Кризис транскapитализма и Россия // *Экономист*. 2009. № 5.
5. *Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл.* Либеральный стандарт: угроза миру и свободе // *Церковный вестник*. 2004. № 1-2.
6. *Моисеев Н.А.* Воспроизводство лесных ресурсов // *Лесн. пром-сть*. 1980. С. 263.
7. *Монтень М.* Опыты. Кн. 1-III. Лондон, 2003. 1284 р.
8. *Орлов М.М.* Лесоустройство. Т. 1: Элементы лесного хозяйства. М., 2006. 319 с.
9. *Переход В.И.* Теория лесного хозяйства. Курс лесной экономики со статистикой. 2-е изд. Минск, 1924.
10. Сборник нормативных правовых актов в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов (по состоянию на 1 июля 2002 г.). М., 2002. 640 с.
11. *Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М., 1997. 351 с.
12. *Хайлбронер Р.А.* Экономическая теория как универсальная наука // *Social Research*. М., 1991. Т. 58, № 2. С. 457–474.
13. *Fahser Von L.* 1987. Die Okologishe Orientievung der Forstokonomic // *Forstarchiv*. 58. Jahrgang, 1987. P. 50–60
14. *Speidel G.* Forstliche Bttriebswirtschafts Lehre.2 Auflage, Verlad Paul Parey. Berlin und Hamburg, 1984.

Поступила 13.05.15

UDC 630*6

Forest Economy in the Forest Management in Theory and in Practice

N.A. Moiseev, Member of the Russian Academy of Sciences
Moscow State Forest University, 1st Institutskaya str., 1, Mytishchi-5, Moscow Region, 141005, Russian Federation; e-mail: moiseev@mgul.ac.ru

The paper describes the role, place and content of the sectoral economic discipline “Forest economy” in the system of forest management, both in theory and in practice, taking into account the applicable model of the economy in the country and the dynamics of views on

the economic theory in the management of Human Factors System and society. Particular attention is paid to the need to consider the forest economy of the major industry practices of forest management related to long-term forest growing, multi-purpose role of forests as an object of management, and the requirement of the organization and planning of deals for the use and reproduction of forests on the zonal-typological basis in accordance with their purpose. All these issues are considered in historical perspective, taking into account the works of predecessors and the discussions between the supporters of land and forest rents. The article presents an economic interpretation of the nature of costs in forestry, payments for forest resources, their expedient distribution of financial flows to balance the economic interests of the main subjects of forest relations.

Keywords: forest economics as a scientific discipline, forest as an object of management, forestry as a branch of productive industry; continuous and inexhaustible use of forests, industry practices of the Forest economy; payments for forest resources, requirement for sustainable forest management.

REFERENCES

1. Viner N. *Ya – matematik* [I am a Mathematician]. Moscow, 1964. 256 pp.
2. Douglas William O. *The Three Hundred Year War: A Chronicle of Ecological Disease*. USA, Michigan, 1972. 215 p.
3. King A., Schneider B. *The First Global Revolution. A Report by the Council of the Club of Rome*. New York, 1991. 340 pp.
4. Luzhkov Yu.M. *Krizis transkapitalizma i Rossiya* [Transcapitalism Crisis and Russia]. *The Economist*, 2009, no. 5.
5. Mitropolit Smolenskiy i Kaliningradskiy Kirill. Liberal'nyy standart: ugroza miru i svobode [Liberal Standard: a Threat to Peace and Freedom]. *Tserkovnyy vestnik*, 2004, no. 1–2.
6. Moiseev N.A. Vosproizvodstvo lesnykh resursov [Reproduction of Forest Resources]. *Lesnaya promyshlennost'*, 1980, p. 263.
7. Montaigne Michel de. *Essays. Book 1*. London, 2003. 1284 p.
8. Orlov M.M. *Lesoustroystvo. Tom 1. Elementy lesnogo khozyaystva* [Forest Management. Volume 1. Elements of Forestry]. Moscow, 2006. 319 p.
9. Perekhod V.I. *Teoriya lesnogo khozyaystva. Kurs lesnoy ekonomiki so statistikoy* [Theory of Forestry. The Course of Forest Economy Statistics]. Minsk, 1924.
10. *Sbornik normativnykh pravovykh aktov v oblasti ispol'zovaniya, okhrany, zashchity lesnogo fonda i vosproizvodstva lesov (po sostoyaniyu na 1 iyulya 2002 g.)* [Collection of Normative Legal Acts in the Area of Use, Preservation, Protection of Forest Fund and Reproduction of Forests (as of July 1, 2002)]. Moscow, 2002. 640 p.
11. Sorokin P. *Glavnye tendentsii nashego vremeni* [Main Trends of Our Time]. Moscow, 1997. 351 p.
12. Heilbroner R.L. Economics as Universal Science. *Social Research*, 1991, vol. 58, no.2, pp. 457–474.
13. Fahser Von L. 1987. Die Okologishe Orientievung der Forstokonomic. *Forstarchiv*. 58. Jahrgang, 1987, p. 50–60
14. Speidel G. *Forstliche Bttriebswirtschafts Lehre*. Berlin und Hamburg, 1984.

Received on May 13, 2015

DOI:10.17238/issn0536-1036.2015.6.9
